

А. П. Чехов и Иштван Бака. Имя свое и чужое

Опубликовано в журнале *Иностранная литература*, номер 4, 2013

Лариса Васильева#

А. П. Чехов и Иштван Бака. Имя свое и чужое

Чехов-Чехонте был охотник до всяких шуток. “Его молодой талант играл как шампанское, тысячами искр”, — напишет позднее А. В. Амфитеатров, прозаик, литературный и театральный критик, активно сотрудничавший вместе с Чеховым в “Будильнике”, в “Осколках” и других юмористических журналах. Обладая незаурядным даром имитации, Чехов умел писать, как и герой одного его рассказа того периода, “на всякие меры, манеры и размеры”, любил подтрунивать над своими собратьями по перу, сочинял пародии на Виктора Гюго, на Жюль Верна. У него есть и рассказы, выдаваемые им за переводы с португальского, с испанского, хотя переводами он, как известно, не занимался.

Повесть “Ненужная победа”, “литературная шалость”, как называл ее сам автор, возникла совершенно случайно. Двадцатидвухлетний А. Чехов сочинил ее на спор с редактором “Будильника” А. Д. Курепиным, который утверждал, что русские беллетристы не умеют писать для широкой публики легко и занимательно, а Чехов заявил, что берется написать роман из иностранной жизни не хуже переводных романов того времени. “Из меня водевильные сюжеты прут, как нефть из бакинских недр”, — признавался он в одном из писем 80-х годов. Курепин не особенно верил в успех и — по условиям пари — оставил за собой право прекратить печатать роман в любой момент. Но повесть очень заинтересовала публику, она печаталась в журнале с продолжением и была благополучно доведена до конца. И чтобы не оставалось никаких сомнений, что это — произведение иностранного автора, завершали ее слова: “Переведенная на русский язык, она и предлагается нашим читателям”. Чехов пари выиграл. Читатели “Будильника” приняли все за чистую монету, а самые проницательные даже “угадали”, кто бы мог ее написать. По свидетельству брата — Михаила Чехова — в редакцию “Будильника” поступали письма с запросами “Не Мавра ли Йюкаи этот роман или не Фридриха ли Шпильгагена?”

Имена этих двух очень популярных в России иностранных прозаиков были названы неслучайно. И Мор Йюкаи, и Фридрих Шпильгаген обрели прижизненную славу не только у себя на родине — в Венгрии и Германии, — но и за ее пределами. К тому времени, когда появилась в “Будильнике” чеховская “Ненужная победа” (1882 год), на русский язык были переведены романы Йюкаи “Новый помещик”, “Двойная смерть”, “Черные бриллианты”, “Золотой человек”, да и романы Шпильгагена тоже, как свидетельствует “Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона”, издавались в России “в чрезвычайно большом числе”, на русском языке вышли даже два собрания его сочинений. Те читатели, которые заподозрили в авторстве “Ненужной победы” Мора Йюкаи, мастера романых историй, которого еще при жизни за плодовитость и склонность к невероятным вымыслам называли венгерским Дюма-отцом, венгерской Шехерезадой, были ближе к истине. “Ненужная победа” и воспринималась ими как одна из историй Йюкаи.

Венгерская бродячая певица, охваченная “сильным, молодым, справедливым гневом”, решает во что бы то ни стало отомстить за оскорбление, нанесенное ее старому отцу графиней Гольдауген, ударившей отца хлыстом по лицу. Но Илькино сердце охвачено не только жаждой мести, оно пылает любовью к “лесному кронпринцу”, барону Артуру фон Зайницу, соперница ее — та же графиня Гольдауген, “известная всей Венгрии красавица”. Одержима Илька и еще одним желанием — раздобыть миллион, необходимый ей, чтобы стать баронессой фон Зайниц. Действие развивается динамично, стремительно приближая героиню повести к победе, которая окажется ненужной, и к трагическому финалу.

Секрет успеха этого микроромана Антоши Чехонте заключался, безусловно, в имитации стиля, в узнаваемости литературного кумира того времени, хотя Чехов и признавался, что по-венгерски не смыслит ни аза, что ничего не знает о Венгрии, и, кроме как в романе Йюкаи, отродясь ни одного венгерца не видел. “Все это было написано наивно, до смешного”, — вспоминал Амфитеатров. “Ненужная победа” Антоши Чехонте — одновременно и подражание, и пародия на романские шаблоны, на мелодраматичность, водевильность сюжета, а еще на романтическое, восторженное отношение прославленного прозаика к своей стране. Из рассуждений героев повести мы узнаем о том, что нет таких людей, которые могли бы победить венгров на войне или в словесных спорах, что Австрия есть птица, выкрашенная в сто цветов, а голова ее — Венгрия, что богатству венгерского языка удивляются все мудрецы, что одни только роскошные, всему свету известные венгерские сады и виноградники не блекнут, не желтеют и не сохнут под жгучими лучами степного солнца и что Венгрия со своими садами, пастбищами, климатом, вином и быками, которые имеют рога в сажень длиною, — лучше всех других стран, прекрасных и богатых.

Однако для всякой литературной шутки, даже для такой искусной, при которой копия легко сходит за оригинал, есть, очевидно, временные ограничения. Не случайно, когда позднее “Ненужная победа” была впервые издана под одной обложкой вместе с другими рассказами Чехова, она вызвала у некоторых читателей недоумение, стала для них странной загадкой. Воспринимая ее слишком всерьез, не зная ее “секрета”, они не увидели в ней никакого намека на будущего замечательного мастера слова, на “новое, вдумчивое и тонко-художественное дарование”, на того писателя, который, по выражению Льва Толстого, “двинул вперед форму”. Особая чеховская поэтика, его особый взгляд на мир еще никак не ощущаются в этой повести, здесь нет чего-то по-настоящему чеховского. “Нет чего-то моего”, — как шутливо заметил Чехов по поводу одного из своих портретов. Он не включил эту повесть в готовящееся в конце 1890-х годов собрание его сочинений.

Но судьбы литературных мистификаций порой непредсказуемы. Повесть Антоши Чехонте, написанная на спор, всего лишь шутивая проба пера, когда Чехов еще только учился, только продвигался к собственной повествовательной манере, трижды экранизировалась в России — в 1916, 1918 и 1924 годах. Немногие произведения русской литературы были удостоены такого внимания со стороны кинематографа.

Для сегодняшнего читателя, особенно для тех, кто знает историю создания “Ненужной победы”, ее название приобретает еще и иной смысл, в нем невольно слышится грустная усмешка. Победа — над кем? Над редактором “Будильника”? Над читателем? Над Йюкаи? Может, и вправду — ненужная?

Если Чехов сочиненное им выдавал за перевод с венгерского, то венгерский поэт Иштван Бака сочиненные им стихи выдал за переводы с русского. Это не было зеркальным отражением чеховской “литературной шалости”, хотя и тут все тоже начиналось с шутки, с розыгрыша.

Иштван Бака (1948-1995), поэт, переводчик, после окончания русского отделения филологического факультета Сегедского университета в течение года (1971-1972) учился в ленинградском университете имени Жданова. Здесь он познакомился с будничной, нефасадной стороной советской действительности и с “нетипичными советскими русскими”, как он называл их позднее. В кругу молодых ленинградских интеллектуалов, с которыми подружился Бака, по рукам ходили книги самиздата и тамиздата, машинописные копии стихов О. Мандельштама и В. Ходасевича, здесь он впервые прочитал И. Бродского, А. Солженицына, слушал на кассетах песни Б. Окуджавы и В. Высоцкого. Встреча с русской культурой, признавался Бака, стала определяющим фактором его становления как поэта.

Вернувшись на родину, Иштван Бака активно работал в журналах, принимал участие в поэтических вечерах, организовывал семинары переводчиков, его редакционная комната в Сегеде — он был заместителем главного редактора журнала для детей “Кинчкерешё” (“Искатель кладов”) — превратилась в один из духовных центров венгерской художественной интеллигенции.

За короткий срок, отпущенный Иштвану Баке, он успел сделать очень много и как поэт, и как переводчик. В Венгрии в его переводе выходили сборники стихов русских поэтов — В. Сосноры, А. Тарковского И. Бродского О. Мандельштама, М. Цветаевой. Будучи уже тяжело больным, он продолжал работать над антологией “Русские поэты-символисты”, сборниками стихов А. С. Пушкина, Н. Гумилева, Г. Айги, которые вышли посмертно.

Но параллельно Иштван Бака писал и свои стихи. В 1975 году вышел первый том его лирики, за ним последовали другие. Венгерские критики не могли не увидеть чрезвычайно тесную связь стихов Иштвана Баки с русской лирикой. Отмечая этот удивительный феномен, литературовед Каталин Сёке писала: “Мне кажется, стихотворения Баки обладают не только венгерским, но и русским культурным кодом, и это действительно уникально в истории нашей поэзии”.

Ты и сам
был
русским стихотворением.

В своем собственном

переводе, —

так отозвался о творчестве Баки поэт Отто Толнаи.

Именно таким русским стихотворением в его собственном переводе стала и книга “Завещание Степана Пехотного”, вышедшая в Сегеде в 1994 году. Степан Пехотный — буквальный перевод имени и фамилии Иштвана Баки.

— Как венгерскому поэту могло прийти в голову выпустить книгу своих стихов под именем никогда не существовавшего русского поэта? — с недоумением спрашивает Иштвана Баку журнал газеты “Непсабдашг”.

И Иштван Бака отвечает:

— Еще в начале 90-х я вдруг обнаружил, что какие-то черты особой, петербургской, (Мандельштам сказал бы — петропольской) лирики есть и во мне. Тогда и родилась — сначала как шутка — сумасбродная идея: проложить не существующему русскому поэту дорогу в венгерскую литературу. Реализовывая свой дерзкий замысел я начал в 1980, а потом в журналы совершенно “переводов” Степана Пехотного, и кое-что из них было напечатано. А потом вдруг, совершенно неожиданно, Степан Пехотный зажил своей собственной жизнью, он все решительнее отдалялся от меня, обретая те черты, каких у меня никогда не было. В его поэзию во рывалась есенинская светлая грусть, то горестная усталость по разоренному революцией Петербургу, то уныние от серого, мрачного города и от занесенных снегом домов, над которыми кружат вороньи стаи. И вот за это короткое время, когда придуманный мной поэт жил своей собственной жизнью, и родился томик его стихов.

Каждому стихотворению Бака дает еще и русское название — очевидно, для того чтобы читателя не покидало ощущение, что он действительно читает переводные стихи. Некоторые названия отсылают к русским классикам: “Ночи Раскольникова”, “К морю”, “Зимняя дорога”. В названии стихотворения “В Санкт-Петербурге снова” слышится мандельштамовское “В Петербурге мы сойдемся снова”. В книге наплывами встают картины русской истории, многие ее герои — представители русской интеллигенции: Шаляпин, исполняющий партию короля Филиппа в опере “Дон Карлос” в тот исторический день — 25 октября 1917 года, Ахматова, которой холодно и неуютно в северном городе, изгнанники — Ходасевич и Рахманинов, Горький, “благословивший” Соловки, есть здесь даже Аннушка, пролившая подсолнечное масло на трамвайные рельсы. “Устанавливая интертекстуальный диалог со многими русскими авторами, — пишет один из рецензентов книги, — Иштван Бака через их голоса обретает и свой собственный голос”.

В “Завещание Степана Пехотного” включены и “Русские сонеты” Арсения Тарковского, которые, как сообщает автор в примечании, существуют только в переводе, то есть только по-венгерски. Арсений Тарковский, “последний представитель Серебряного века”, — один из тех поэтов, кого Бака особенно любил, кому глубоко сочувствовал в связи с утратой сына, с потерей близких ему по духу людей — Марины Цветаевой, Анны Ахматовой.

“Завещание Степана Пехотного” высоко оценили на родине писателя, оно было удостоено премии “Книга года”, а в 2001 году сегедское издательство “Тиссатай” выпустило двуязычное издание “русских стихов” И. Баки — именно так называют их в Венгрии. Перевод “переводов” осуществил Юрий Гусев. Особую сложность, очевидно, представляли сонеты Тарковского, те самые, которые якобы существовали только в венгерской версии, и теперь переводчику предстояло воссоздать то, чего не было, и воссоздать так, чтобы знатоки и ценители русского классика признали в этих стихах Тарковского. С этой, двойной, мистификацией Юрий Гусев замечательно справился.